

9. Щербацкой Ф. И. Избранные труды по буддизму. М., 1988.
10. *Dhammajoti K. L. Sarvastivada Abhidharma*. Hong Kong, 2007.
11. *A Companion to Buddhist Philosophy* / Ed. Steven M. E. Oxford, 2013.

Рукопись поступила в редакцию 23 января 2018 г.

УДК 141.4(470) + 347.23 + 17.022

Н. А. Шестовских

ПРОБЛЕМА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ТРУДАХ РУССКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ФИЛОСОФОВ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

В статье представлен анализ трудов русских религиозных философов конца XIX – начала XX в., посвященных проблемам собственности. Выявлено наличие двух противоположных точек зрения по этому вопросу. Подробно анализируются работы русских религиозных философов, обосновывающих необходимость частной собственности. Делается вывод о том, что большинство русских философов считали частную собственность совместимой с христианским идеалом и связывали относительный принцип собственности с необходимостью подчинения абсолютному принципу нравственной личности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: собственность, хозяйство, русская религиозная философия.

В условиях экономического и политического кризиса, наблюдающегося в настоящий момент в российском обществе, обостряется традиционная для нашей страны дискуссия между модернизаторами и консерваторами, между западниками и сторонниками русской самобытности. Альтернативы развития экономической жизни общества включают в себя решение вопроса об одном из важнейших элементов хозяйствования — собственности, что актуализирует исследование культурно-исторических оснований формирования философии хозяйства в целом и осмысления аксиологического статуса собственности в частности. В этой связи обращение к философской мысли поможет избежать социальных катаклизмов, связанных с обостряющимся в социуме неравенством, и способствовать экономическому развитию общества, не разрушая при этом исторически сложившихся отечественных мировоззренческих установок и ценностных ориентиров.

Проблема собственности довольно долго не стояла в центре внимания русской философской мысли. За исключением узкоцерковного спора о монастырских владениях «стяжателей» и «нестяжателей» в конце XV — начале XVI в., вызвавшего всплеск богословских мнений, систематическое рассмотрение имущественной проблематики в академической церковной среде началось только в конце XVIII в. Примерно к этому же периоду можно отнести начало обращения к данной теме русских ученых просветителей, юристов, экономистов и историков (С. Е. Десницкий, Я. П. Козельский, А. П. Куницын, Н. И. Новиков, А. Я. Поленов, И. П. Пнин,

И. А. Третьяков, Д. И. Фонвизин), рассматривавших в своих работах понятия условного и естественного права, справедливости, собственности, бедности. В XIX в. вопросы социальной справедливости, частной и государственной собственности находили место в работах П. Л. Лаврова, Н. П. Огарева, Б. Н. Чичерина и др.

Философско-религиозную и общественно-политическую мысль конца XIX — начала XX в., изучающую имущественную проблематику, весьма условно можно поделить на две полярные точки зрения — сторонников и противников частной собственности.

Такие выдающиеся русские философы, как Б. А. Кистяковский, Н. Ф. Федоров, В. Ф. Эрн и др., считали несовместимыми христианский идеал и частную собственность. Опираясь на толкования Священного Писания и христианские положения, они придерживались мнения, что освобождение от имущества и раздача его нуждающимся является необходимым, хотя и недостаточным условием для того, чтобы быть совершенным христианином.

Несмотря на различное понимание природы имущественных отношений, сторонники частной собственности, наоборот, считали, что она является основой для творческого и духовного развития личности, без чего невозможно развитие общества.

Религиозная философская мысль Серебряного века опиралась на В. С. Соловьева. В своей работе «Оправдание добра» философ указывает, что «неотъемлемое основание собственности заключается в самом существе человеческой личности» [4, 429]. По его мнению, существует два способа создания собственности: завладение, или «право первого занимающего», — все реже встречающийся случай, когда захватываемое есть предмет, никому не принадлежащий, и труд — существенное основание собственности.

Соловьев отмечает, что труд не может быть субстанцией собственности, так как он создает лишь потребительную стоимость, а не сам материал, из которого вещь изготовлена: «труд, производящий не вещь, а только некоторое частное свойство в ней, неотделимое, однако, от целой вещи, не может давать право собственности на то, чего не производил и что от него не зависит» [Там же, 433].

По мнению В. С. Соловьева, собственностью работника является капитал, так как именно он по своему существу «есть чистое произведение человеческой воли, ибо первоначально от нее зависело отложить часть заработка или же употребить и эту долю на текущие потребности» [Там же, 434]. Поэтому именно капитал по справедливости должен быть признан собственностью по преимуществу.

Признавая собственность, Соловьев решительно отвергает возможность злоупотребления своим имуществом в ущерб общему благу или общественной правде.

Говоря о преемственной собственности, то есть наследстве, В. С. Соловьев отмечает, что непрерывная цепь прогресса в человечестве держится сознательно преемственностью ее звеньев. «Без намеренной и добровольной передачи нажитого будет только физическая смена поколений, повторяющих прежнюю жизнь, как у животных» [Там же, 435]. Более важным в этом случае, безусловно, является передача духовного наследия, но так как лишь немногие люди могут завещать потомству прочные духовные приобретения, то для большинства людей

остаются право и обязанность заботы о материальном улучшении жизненных условий для своих личных преемников. Ссылаться на евангельскую беззаботность могут только те, кто «прямо отдается всемирной будущности и уже предваряет ее идеально» [4, 436]. «Для подражания лилиям нужно иметь их чистоту и для подражания птицам небесным нужно иметь высоту их полета. А при недостатке того или другого житейская беззаботность может уподобить нас не лилиям и птицам небесным, а разве лишь тому животному, которое в своей беззаботности о будущем не только подкапывает корни благодетельного дуба, но при случае вместо желудей пожирает и свои собственные порождения» [Там же].

Наследственная собственность, считает философ, является реализацией нравственного взаимоотношения в самой коренной общественной сфере — семейной. Наследственное состояние «есть, с одной стороны, воплощение переживающей, чрезмогильной жалости родителей к детям, а с другой стороны, реальная точка опоры для благочестивой памяти об отошедших родителях» [Там же, 437]. Особенно это касается земельной собственности, так как понимать и любить природу дано немногим, но каждый человек привязывается «к своему родному уголку земли, к родным могилам и колыбелям» [Там же]. В этом и заключается нравственная связь, которая не только оправдывает существование наследственной собственности, но и является основанием для ее дальнейшего нравственного упорядочения.

По мнению В. С. Соловьева, сама по себе собственность вообще не имеет нравственного значения. «Никто не обязан быть богатым, а также никто не обязан обогащать других. Равенство всех имуществ так же невозможно и ненужно, как одинаковая окраска или густота волос» [Там же, 355]. Однако, отмечает мыслитель, есть условие, при котором имущественное положение лица становится нравственным вопросом: когда человек не может поддерживать свое существование или на поддержание своего существования он должен тратить столько сил, что у него не остается достаточно времени и сил для забот о своем человеческом, умственном и нравственном совершенствовании. В этом случае человек перестает быть целью для себя и других, становится только материальным орудием. Задача общества, желающего быть нравственно нормальным, — обеспечить всем и каждому тот минимум благосостояния, который необходим для поддержания достойного человеческого существования. Но это уже вопрос не нравственности, а экономической политики.

В целом В. С. Соловьев дает следующее определение собственности: «Собственность сама по себе не имеет ничего абсолютного. Это — ни священное благо, которое надо защищать любой ценой и во всех его проявлениях, ни зло, которое должно обличить и уничтожить. Собственность — это относительный и обусловленный принцип, который должен подчиняться принципу абсолютному — принципу нравственной личности» [5, 448].

Идеи В. С. Соловьева были унаследованы и творчески развиты многими русскими религиозными философами, среди которых С. Н. Булгаков и Н. А. Бердяев особенно глубоко интересовались социальной проблематикой.

Крупнейший русский философ и богослов С. Н. Булгаков в своем фундаментальном труде «Философия хозяйства» под хозяйством подразумевает творчество,

синтез свободы и необходимости. По его мнению, всякая хозяйственная эпоха имеет свой дух и сама является порождением этого духа, а каждая экономическая эпоха имеет свой особый тип «экономического человека», порождаемый духом хозяйства.

С. Н. Булгаков осуждает идею экономизма, которая, по его мнению, основывается на беспредельном эгоизме, гедонизме и сенсуализме. Идея «экономического человека» — современного предпринимателя — заключается в особом понимании человека как механизма, чуждого свободы и творчества, не подлежащего никакому высшему суду в своей экономической деятельности, лишённого чувства греха и трагедии поврежденности мира и человека при создании.

При решении проблемы собственности С. Н. Булгаков исходит из христианского понимания богатства, в соответствии с которым осуждается не собственность как таковая, а недостойный и грабительский способ ее приобретения и использования. В статье «Церковь и социальный вопрос» С. Н. Булгаков, рассматривая проблему собственности, отмечает, что собственность капиталиста на фабрику означает то, что он владеет ею как предметом личного потребления, но что он заведует данной отраслью общественного производства для пользы общества. «Богатство в социальном смысле, социальная мощь и власть обязывают ее носителей, как и всякая власть» [2].

Совершенно справедливо Булгаков различал «чувство собственного» и собственность как социально-экономический институт. Первое связано с жадностью, любостыжанием, духовным пленом у собственного имущества, чувство собственного «осуждается бесповоротно христианством как коренным образом противоречащее основной заповеди любви» [Там же]. Напротив, с собственностью как институтом связана важная и ответственная функция — общественное производство для пользы общества. Собственность является как правом, так и обязанностью. Победа над собственностью должна быть не экономической, а нравственной, совершаемой в глубине души. Можно иметь собственность и быть от нее духовно свободным, а можно быть бедным, лишенным собственности, но сгорающим от зависти к богатым и жадности.

Таким образом, по мнению С. Н. Булгакова, осуждается не сама собственность, а «чувство собственности, духовный яд ее, сладострастие мамона, и осуждается бесповоротно христианством, как коренным образом противоречащее основной заповеди любви» [Там же]. Христианство призывает не погружаться в хозяйство до конца, не давать овладеть собой его инстинктам, но по возможности и живя в хозяйстве осуществлять свою свободу от богатства, подчинять его религиозно-этическим нормам.

В отличие от С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяев рассматривал проблемы социально-экономической этики через призму персонализма. Поэтому в основе его этики, в том числе социально-экономической, лежит идея личности.

В своей работе «Философия неравенства» Н. А. Бердяев отмечает, что «собственность, по природе своей, есть начало духовное, а не материальное» [1, 304]. Философ связывает начало собственности с метафизической природой личности. Собственность родилась в борьбе человеческой личности со стихийными силами

природы. «Свободный дух человека налагает свою волю на стихийную природу, и от этого акта рождаются неотъемлемые права и обязанности» [1, 305]. Связь человека с собственностью одухотворяет его отношение к материальной природе, делает это отношение не потребительским.

Частная собственность на землю, по мнению Н. А. Бердяева, делает возможной «любовь к земле, к полю и лесу, вот к этому дереву, около которого сидели деды и прадеды, к дому, к воспоминаниям и преданиям, связанным с этой землей и ее прежними владельцами, она поддерживает связь времен и поколений» [Там же]. Изъятие земли, национализация и социализация приводят к потребительскому, корыстному отношению к земле, «лишенному всякой душевной теплоты» [Там же, 306], что сделает «невозможной интимную связь с прошлым, с предками, убьет предание и воспоминание» [Там же]. Более одухотворенное и личное отношение к хозяйственной деятельности предполагает частную собственность, устойчивую перспективу, переходящую за пределы эмпирической жизни людей.

Н. А. Бердяев отмечал, что Христос не отрицал частной собственности, когда он предлагал раздать свое имение бедным, чтобы стать совершенными. По мнению мыслителя, этим он даже утвердил существование собственности. Если совершенно уничтожить собственность, то не останется места для христианского подвига отречения, он будет не нужен и невозможен. В коммунистическом обществе невозможен подвиг св. Франциска, как невозможен никакой культ бедности.

Утверждая необходимость частной собственности, Н. А. Бердяев отмечает, что с ней же могут быть связаны великие злоупотребления, «начало собственности подвержено гниению и разложению» [Там же]. Он отказывается признавать собственность абсолютным и высшим началом, она должна быть ограничена и подчинена началам более высоким, связанным с космической жизнью. Духовное отношение к хозяйству предполагает аскетику, «ограничение похоти жизни» [Там же, 307]. Безграничный рост потребностей создает индустриально-капиталистическую цивилизацию, которая чревата великими потрясениями и катастрофами и «обозначает убыль духа в европейском человечестве» [Там же]. Русский философ призывает к аскетическому самоограничению и одухотворению хозяйственной жизни.

В русской философии первой половины XX в. оригинальная концепция «функциональной собственности» была разработана С. Л. Франком. В своей статье «Собственность и социализм» он отмечает, что «злосчастный русский эксперимент», произведенный над Россией и доказавший полную несостоятельность социализма, одновременно показал очевидную необходимость строя, основанного на частной собственности. «Те немногочисленные упрямы — староверы, которые не хотят признать этой очевидности, суть безнадежные педанты-книжники, которые не по фактам оценивают теории, а из тупого пристрастия к теории, ставшей для них священным догматом, не хотят видеть очевидных фактов» [6, 309].

Одновременно с критикой социализма С. Л. Франк выступает с критикой капитализма, так как лежащие в его основе идеи, главным образом понимание собственности, принятые в чистом виде, «ведут к жесточайшим несправедливостям и величайшим хозяйственным бедствиям» [Там же, 310].

Подтверждая элементарную экономическую необходимость частной собственности, С. Л. Франк тем не менее не может удовлетвориться одним ее утилитарно-экономическим оправданием и ставит перед собой задачу согласования принципа собственности с религиозно-нравственным и социально-философским мировоззрением. Необходимость обоснования настоящей, не утилитарной, а абсолютной, религиозно-нравственной правды принципа частной собственности связана с опасностью рецидива социализма. По его мнению, с которым невозможно не согласиться, если «в России частная собственность была так легко, почти без сопротивления, сметена вихрем социалистических страстей, то только потому, что слишком слаба была вера в правду частной собственности, и сами ограбляемые собственники, негодуя на грабителей по личным мотивам, в глубине души не верили в свое право, не сознавали его “священности”, не чувствовали своей обязанности его защищать, более того, втайне были убеждены в нравственной справедливости последних целей социалистов» [6, 311].

С. Л. Франк утверждает, что непосредственного нравственного оправдания право личной собственности не имеет. Не может претендовать на абсолютную нравственную авторитетность требование того, чтобы никто не мешал мне пользоваться и даже злоупотреблять моим достоянием. При этом С. Л. Франк отмечает, что право частной собственности не имеет непосредственного морального основания потому, что «никакое вообще человеческое право (в субъективном смысле) не имеет первичной, имманентной, моральной силы. Смысл человеческой жизни не может заключаться в эгоизме, в отъединении от других, в защите своих личных интересов, он заключается только в служении Богу и людям» [Там же, 312]. Отсюда вытекает вывод, что «человек как отдельная личность, как природное существо не имеет и не может иметь никаких вообще “прирожденных”, “неотъемлемых” и “священных” прав» [Там же, 313]. Всякое субъективное право может быть нравственно оправдано сведением его к обязанности. Человек имеет только одно «священное» право — «право требовать, чтобы ему дана была возможность наилучшим образом исполнить его обязанность, чтобы никто не препятствовал ему в этом исполнении» [Там же].

Из этого утверждения С. Л. Франк выводит очень важную, на наш взгляд, нравственную ценность частной собственности: я обязан не нарушать чужого достояния и уважать чужое право. Таким образом, культурно-воспитательное и историческое значение института частной собственности содержится не в культе моего права, а в сознании незыблемости моих обязанностей в отношении других, то есть в ограничении индивидуальных притязаний признанием правомерности чужих притязаний.

По мнению С. Л. Франка, идея собственности целиком принадлежит к области права и вне ее не имеет никакой силы. Всякое субъективное право имеет функциональное, служебное значение. Вместе с тем «именно в этом своем служебном значении, как условии исполнения обязанности, оно необходимо и именно поэтому облекается святостью и незыблемостью, присущей каждой обязанности» [Там же, 317]. Из этого следует, что не может быть никакого природного, абсолютного права собственности. «Но с другой стороны, право частной собственности

настолько связано с возможностью самого права вообще, что не зависит ни от какого частного законодательства и поэтому в своем принципе и существе действительно является “естественным правом”» [6, 317].

Право частной собственности, создавая вокруг человека сферу материального мира, непосредственно связанного с ним и принадлежащего ему, тем самым ограждает его свободную личность. Все, что необходимо человеку для жизни — вещи, среда, жилище, любимое дело, все это необходимая составная часть человеческой личности. Именно поэтому право собственности является для человека правом на неприкосновенность личности — прежде всего телесную, а затем душевную и духовную.

«Для того чтобы человек мог существовать как человек, а не как животное, которое либо живет постоянным хищением, истреблением окружающей его жизни, либо питается кормом, который ему подают люди, он должен быть обеспечен в свободе и неприкосновенности своей личной человеческой связи с вещами, на которые распространяется его воля» [Там же, 319]. Только при условии утверждения права на всю полноту бытия, права «не голого человека, а человека одетого, имеющего жилище, клочок земли, личные материальные блага» [Там же, 320], человек оказывается подлинным субъектом права.

Анализируя соотношение между личным и «соборным» началом в сфере нравственной жизни и права, С. Л. Франк приходит к следующим практическим выводам в теории собственности. Отдельная личность не может быть высшей целью общественной жизни и строительства. Точно так же не может быть высшей целью и общественное единство. Такой целью является только лишь «сама правда, само Божественное бытие, осуществление которого в человеческо-общественной жизни достигается через солидарное служение обоих начал и, следовательно, через максимально-согласованное развитие и углубление их обоих в их исконной взаимозависимости» [Там же, 323]. С. Л. Франк отмечает, что цель общественной жизни не в интересах личности и не в ее самоутверждении, а также не в интересах и самоутверждении общественного единства. «Цель ее — истинное бытие богочеловеческого единства...» [Там же]. Каждое из этих двух начал включает в себя другое и не соперничает с ним, а на нем утверждается и служит ему на пользу.

В области права личная свобода формально противостоит общественному единству, и государство вынуждено ограждать как личную свободу от деспотизма принудительного объединения, так и единство общественного порядка от произвола личных эгоистических вожделений. Согласование этих двух противоборствующих начал протекает неизбежно в форме обуздания притязаний каждого из них, ограждения одного от другого и разграничения законных сфер того и другого. «Правовой строй должен быть проникнут идеей, что как государственный порядок, так и система частноправовых отношений суть лишь взаимно зависимые и служебные моменты одного цельного соборного строя народной жизни» [Там же, 324].

Таким образом, С. Л. Франк делает вывод, что частная собственность необходима как условие личной свободы и истинно человеческого бытия индивидов, при этом она утверждается не в интересах собственников, а в интересах общества

и необходимо ограничивается, поскольку им противоречит. Государственное единство и планомерность совместной жизни также необходимы и распространяются на сферу имущественно-хозяйственную, но они утверждаются не для самих себя, а как необходимый корректив в личной свободе, в тех случаях, когда ее неограниченность приводит к своей противоположности — рабству. Государственное вмешательство в имущественные отношения ограничивается необходимостью сохранять неприкосновенность системы свободных частно-правовых отношений.

Частным лицам собственность принадлежит не как прирожденное и абсолютно-неотъемлемое право, а как право владения и управления долей общего достояния в целях свободного, примиряющего личные интересы с общими благами, соучастия в народно-хозяйственном организме, как право, основанное на обязанности. Государству принадлежат право и обязанность объединения и корректирования этого органического единства. Частная собственность должна быть утверждена в своей свободе и неотъемлемости, но вместе с тем она должна быть проникнута идеей служения, иметь не абсолютное, а функциональное значение. «Частный собственник, оставаясь собственником и именно в качестве такового, при полной обеспеченности своих прав тем самым осознает себя слугой государства, отправителем служебной функции в целостном организме народной жизни» [6, 327]. Государственная власть имеет права и обязанности в сфере частно-правовых отношений, «осуществляет свое верховное право только через надзор и корректирование системы частновладельческих отношений» [Там же].

Как и В. С. Соловьев, С. Л. Франк особо выделяет право наследования как составной момент права собственности. Он указывает, что свобода наследования по завещанию принципиально не может быть признана безграничной. Но наследственное право по своему существу основывается не на индивидуалистическом, а на соборном начале, то есть на начале соборного единства последовательных поколений. «Право наследования выражает собою не личную прихоть собственника, а принцип единства наследственного социального служения, который, разумеется, должен сочетаться с правом личности на свободный выбор своего индивидуального служения» [Там же, 330].

Известный русский философ И. А. Ильин в своей работе «Путь духовного обновления» защищает право частной собственности, показывает его необходимость для человека, жизненную целесообразность и духовную верность. Мыслитель считает, что право частной собственности — естественное право человека, которое должно ограждаться законами, правопорядком и государственной властью. «Человеку необходимо вкладывать свою жизнь в жизнь вещей» [3, 126]. Идея частной собственности заключена в самом человеке, «подсказана ему самою природою» [Там же, 125]. «Тело человека есть вещь, находящаяся среди других вещей и нуждающаяся в них» [Там же]. Для того чтобы жить, человек должен заниматься этими вещами, при этом он связывается с ними не только материально, но и «волею к совершенству, и творчеством, и любовью» [Там же]. В процессе труда человек приспособляет к себе окружающие его вещи, посвящает им свое время, силы, совершенствует их, вкладывает в них себя и свои ценности, тем самым превращает их в продолжение собственной личности.

По мнению Ильина, частная собственность развивает хозяйственную предприимчивость и личную инициативу, приучает человека творчески любить труд и землю, свой очаг и семью, свою родину. Одновременно с этим человек привыкает к «правовой взаимности, уважению чужих полномочий» [3, 127], строгому различению «моего» и «твоего», к гражданскому порядку и гражданской самостоятельности. При этом каждый собственник, богатея, обогащает и свое окружение, и все народное хозяйство.

Обосновывая частную собственность, И. А. Ильин не одобряет наличие распределения имущества и богатства. Он четко разделяет два вопроса: с одной стороны, институт частной собственности, который необходим, целесообразен и верен, а с другой стороны — наличное распределение имущества, которое может быть неверным и нецелесообразным. Ильин указывает, что «совсем не необходимо, чтобы люди делились на сверхбогачей и нищих или на монопольных работодателей и незащищенных наемников» [Там же, 124]. Все отрицательные проявления частно-правовой дисгармонии капиталистического строя — несправедливое деление на классы, завистливая и мстительная классовая борьба, безработица — отнюдь не преодолеваются отменой частной собственности. Социализм и коммунизм отвергают естественное право людей на хозяйственную самостоятельность, тем самым «люди практически приравняются к каторжным или становятся в положение хозяйственных кастратов», «коммунизм создает государственный капитализм», что приводит к небывалому порабощению и нищете, углубляет чувство зависти и мести и приводит к еще большей эксплуатации трудящегося человека.

Решение проблем, возникающих в связи с частной собственностью, И. А. Ильин видит во внутреннем воспитании человека и в проведении целесообразных государственных мероприятий, которые могли бы исправить последствия несовершенства людей, в необходимости «сочетать строй частной собственности с “социальным” настроением души: свободное хозяйство с организованной братской справедливостью» [Там же, 129]. Имущественное неравенство, по его мнению, преодолевается не переделом богатств, а освобождением души от зависти, «помышлением не о тех, кто “богаче” меня, а о тех, кто “беднее” меня, искусством довольствоваться тем, что есть» [Там же].

Владение частной собственностью, по мнению И. А. Ильина, обязывает человека. Это не просто «право», а нравственно обязывающее право. «Только сильный и духовно воспитанный дух сумеет верно разрешить проблему частной собственности и создать на ее основании цветущее и социальное хозяйство» [Там же, 132].

Подводя итоги, следует отметить то общее, что характерно для взглядов на собственность рассмотренных нами русских религиозных философов. Большинство из них считают, что человек как духовное существо не может существовать без частной собственности, так как без нее он не может реализовать себя как свободное и творческое существо. Многие из русских философов считают, что идея частной собственности вложена человеку его природой, это естественное право человека, которое должно ограждаться законами, правопорядком и государственной властью. Частная собственность необходима, целесообразна, способствует свободе и творческой реализации духовной сущности человека.

Вместе с тем существующее распределение имущества может быть неверным и нецелесообразным. Преодоление этого неравенства возможно с помощью воспитания и духовного обновления человека. При этом крайне важным, на наш взгляд, является нравственная ценность института частной собственности, заключающаяся в осознании незыблемости собственных обязанностей в отношении других, в уважении чужого права.

Русские философы конца XIX — начала XX в. связывали относительный принцип собственности с необходимостью подчинения абсолютному принципу нравственной личности, считая его необходимым для реализации человеческой свободы, призывали к аскетическому самоограничению и одухотворению хозяйственной жизни, считали собственность не только правом, но и обязанностью, видели решение проблемы собственности во внутреннем воспитании человека.

-
1. Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 2010.
 2. Булгаков С. Н. Два града // Христианство и социальный вопрос [Электронный ресурс]. URL: http://www.golden-ship.ru/_ld/11/1144_.htm. (дата обращения: 20.12.2017).
 3. Ильин И. А. О частной собственности // Русская философия собственности (XVII–XX вв.). СПб., 1993.
 4. Соловьев В. С. Оправдание добра // Соч. : в 2 т. Т. 1. М., 1990.
 5. Соловьев В. С. Социальный вопрос в Европе // Соч. : в 2 т. Т. 2. М., 1989.
 6. Франк С. Л. Собственность и социализм // Русская философия собственности (XVII–XX вв.). СПб., 1993.

Рукопись поступила в редакцию 8 февраля 2018 г.